

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

А. Остапенко, Т. Хагуров

Китай, глобализация, русская идея
и вопросы воспитания

5 – 10

Н. Хагурова

Современная семья и воспитание:
феноменология кризиса

11 – 19

КИТАЙ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РУССКАЯ ИДЕЯ И ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ

А. ОСТАПЕНКО, Т. ХАГУРОВ

Казалось, что совсем недавно мы высказывались¹ о том, как после известных событий на Манежной Владимир Владимирович и Дмитрий Анатольевич дискутировали по поводу стратегических путей национального воспитания в нашем Отечестве. Напомним, что Путин тогда ратовал за «общероссийский патриотизм» и приводил в пример советскую ситуацию межэтнического согласия и мира, основанную, между прочим, на идее *интернациональной дружбы*. Медведев, не соглашаясь, говорил о том, что «нам не нужно стесняться учиться» *толерантности* у американцев. Мы тогда сокрушались по поводу ситуации, в которой оказываются замы по воспитательной работе в условиях, когда первые лица государства не могут договориться по ключевому стратегическому вопросу национального воспитания.

С тех прошло два года. Принципиально изменился мир. Произошла рокировка тандема. А бедные замы по воспитательной работе всё также находятся на мировоззренческом распутье: то ли *межэтническую толерантность* воспитывать, то ли *интер-*

¹ Остапенко А. Тупики национального воспитания. Как их преодолеть? // Народное образование. 2011. № 1. С. 34–38; Остапенко А. Будем ли дальше воспитывать «окамененное нечувствие»? // Воспитательная работа в школе. 2011. № 1. С. 5–10; Остапенко А. О путях и тупиках воспитания // Переправа. Журнал о душе и для души. 2011. № 2. С. 42–45.

² 王义桅. 中国模式正在打破“普世价值”霸权 (Ван Ивэй. Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей») // 人民日报 (Жэньминь жибао). 2013. 11 янв. (перевод Фёдора Кокорева на сайте inosmi.ru <http://www.inosmi.ru/world/20130114/204595110.html>).

³ 孙茹. 推进“王道”外交正当其时 (Сунь Жунь). Китай берёт курс на «новый интернационализм» // 定球文萃 (Хуаньцю шибао). 2013. 14 янв. (перевод Фёдора Кокорева на сайте inosmi.ru <http://www.inosmi.ru/world/20130115/204641939.html>).

национальную дружбу возрождать? То ли дальше насаждать «общечеловеческие ценности», то ли возвращаться к «общероссийскому патриотизму»? А тут ещё в мировоззренческую дискуссию о ценностях воспитания начал вмешиваться... Китай. Да, да, Китай! А не считается сегодня со стремительно растущим Китаем, мягко говоря, неразумно. Завтра Китай объявит (а точнее, уже объявил) то ли реглобализацию, то ли глобализацию по-китайски, и с этим придётся считаться всем. Если ещё год назад Китай не претендовал на то, чтобы продвигать свои ценности в остальной мир, то сегодня такая претензия громко заявлена.

11 января главная китайская газета «Жэньминь жибао» публикует на первой странице программную статью доцента Центра американских исследований Фунданского университета Ван Ивэя под названием «Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей»², которая начинается так: «Исторически мечтой западной цивилизации было торжество общечеловеческих ценностей в их западном понимании, мечтой китайской цивилизации — «великое единение» Да Тун. В нашу эпоху мир нуждается в китайских ценностях, потому что именно в них общечеловеческие ценности нашли своё полное выражение». Далее Ван Ивэй пишет: «Современная глобализация — это, по сути, распространение на весь мир западного строя, западной духовной и материальной культуры. А нам нужна глобализация иного порядка, глобализация системы ценностей, которая будет в рамках всего мира равно уважать и выражать все существующие культуры, подходы и модели развития, полностью отражать всё многообразие и богатство различных цивилизаций». И называет глобализацию по-китайски реглобализацией.

Одновременно со статьёй Ван Ивэя 14 января в газете «Хуаньцю шибао», которая подчиняется редакции газеты «Жэньминь жибао» и имеет с 2006 года английскую версию «Глобал таймс», выходит статья сотрудника Китайского института современных международных отношений Сунь Жунь «Китай берёт курс на «новый интернационализм»³. Она начинается так: «В прошлом знамя интернационализма было высоко поднято во внешней политике Нового Китая. Однако в ходе тридцати с лишним лет с начала проведения политики реформ и открытости идеологическая составляющая внешней политики ушла на второй план. Во главе угла оказались непосредственно государственные интересы и знамя интернационализма поникло. Но сейчас пришло время взять в узду погоню за прибылью и выровнять баланс между материальными и духовными нуждами. Объявление курса на «новый интернационализм» во внешней политике явно свидетельствует о том, что наступает расцвет системы китайских ценностей». Новую стратегию автор понимает так: «Суть «нового интернационализма» в том, что Китаю надо брать на себя большую международную ответственность, по мере сил предоставлять ещё большую помощь развивающимся странам, прикладывать ещё больше усилий для сохранения стабильного мирового правопорядка, исполнять ещё больше обязательств и стремиться направить развитие международного порядка в справедливое и рациональное русло. В то же время переход к политике «нового интернационализма» значит, что ради защиты общих интересов всего человечества китайский народ готов пойти и на возможные жертвы».

Китай заговорил о жертвенности. Как только страна говорит о жертвенности и она становится сутью всей воспитательной стратегии, народ этой

страны становится непобедимым. Если страна заявляет о своей собственной мировоззренческой стратегии и претендует на то, что эта стратегия будет всемирно значимой, эта страна может быстро войти в мировой авангард. Если руководство страны проповедует подражательную тактику, она неизбежно будет на вторых ролях.

Если мы будем продолжать начатую в 2010 году лидерами страны дискуссию о воспитательной стратегии в том же старом виде, стоя на распутье (или, скорее, враскоряку) *между толерантностью и интернационализмом*, то надо признать, что мы опоздали. Обе эти мировоззренческие ниши заняты стареющей Америкой и взрослеющим Китаем. Если же мы будем продолжать настаивать на «общероссийском патриотизме», то надо признать, что эта идея всё же *всероссийская*, а не *всемирная*. А значит местечковая. И тогда она вторична в сравнении с американской и китайской.

Надо помнить, что Россия всегда была интересна миру только тогда, когда она предлагала своё непохожее *вселенское, всеединое, соборное, общее Дело и мировоззрение*, на которых и выстраивала свою воспитательную стратегию, основанную на *мессианстве, жертвенности и справедливости*. А затем предлагала её миру. Тогда она была мировым лидером. Как только она занимала подражательную позицию, она становилась скучным аутсайдером.

Тогда в чём вообще особенность России и русского⁴ пути вообще и какова стратегия национального воспитания в частности? Разумеется, в короткой статье ответить на него сколько-нибудь полно невозможно, но несколько принципиальных замечаний высказать стоит.

Начнём с того, что преувеличивать и драматизировать нашу особенность не стоит. Россию иногда называют Евразийской цивилизацией, подчёркивая, что она особым образом соединила в себе Европу и Азию. Это верно, но лишь отчасти. В собственном культурном плане, т.е. в том, что касается внутреннего содержания жизни (смыслов, ценностей и идеалов), Россия относится к восточной (византийской) ветви Средиземноморской цивилизации, построенной на соединении греко-римской Античности и христианства. Православие, воспринятое Россией у Византии и положенное в основание российской государственности в виде формулы «Москва — третий Рим», во многом иначе, чем католицизм или протестантизм трактует вопросы духовной жизни. Но и то, и другое, и третье — христианство. Другими словами, Россия и Запад имеют общий культурный корень: эстетические, интеллектуальные и духовные ценности, преломляемые и понимаемые, разумеется, зачастую по-разному. Другое дело Азия. Нас с ней роднит многое, но не самое существенное. От Азии Россия переняла многие политические и социальные формы, закрепившиеся в период монгольского владычества, но в ценностном и смысловом плане мы отличаемся от Азии гораздо сильнее, чем от Европы. И ещё одно важное отличие России и от Европы, и от Азии. Будучи православной по духу культуры и политики, Россия сумела чудесным образом соединить в себе симфонию народов и религий. Русский ислам и русский буддизм вносили свои непохожие лепестки в российское соцветие народов и вер. Такого не знала Европа, рожавшая свой модерн в пламени кровавых религиозных войн. Не знала и Азия, равнодушно взирающая на бесконечное множество любых богов.

Своеобразие российской духовной культуры и той *вести*, которую несла миру Россия, связано с православием. Однако вот парадокс, наиболее сильным

⁴ «Русский» в этом случае используется не в этническом, а в культурном значении, в том, о котором американцы говорят Russians.

7

Концепции
и системы
[21 – 40]

⁵ В XIX–XX вв. для крупнейших представителей западной социологии К. Маркса, Г. Зиммеля, Р. Мертона, Ч. Р. Милза и многих-многих других социальная несправедливость в условиях попустительства закона стала центральной темой исследований.

⁶ Неслучайно XIX век — век позитивизма и веры в разум заканчивается триумфом иррационализма в философии (А. Шопенгауэр, З. Фрейд, Ф. Ницше) и литературе (Л.-Ф. Селин, Ф. Кафка и др.).

⁷ Статистика самоубийств среди состоятельных слоев населения начиная с середины XIX века наглядно свидетельствует об этом.

наше влияние на мировую политику и культуру было в XIX–XX вв. — времени, казалось бы, «упадка» православной культуры. В XIX веке Россию настигает то, с чем Европа столкнулась одним-двумя столетиями раньше — секуляризация, обмирщение государственной и общественной жизни. А как же «православие, самодержавие, народность»? Давайте прочитаем, что пишут о состоянии православной жизни величайшие русские святые XIX века — святители Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник. Оба единодушно говорят о кризисе подлинной религиозности, вырождающейся в обрядоверие, когда культ (внешняя форма) подменяет собой суть (состояние души). Об этом же писали многие русские классики, тот же Н.С. Лесков в «Соборниках».

Но у российской секуляризации есть принципиальное отличие от западной. Отличие, в котором в Новейшее время и проявилась та особость нашего пути, которая позволяет России до сих пор и в нынешнем крайне тяжёлом положении сохранять потенциал возрождения и глубокого влияния на судьбы мира. Когда в Европе, говоря словами Ф. Ницше, «Бог умер», то в качестве главного регулятора жизни на смену заповедям Божьим пришёл закон. А на смену ценностям Царства Небесного — ценности комфорта и счастья. А главным условием достижения счастья и следования закону стал разум. Это — европейский модерн, дитя возрождения и просвещения, реформации и борьбы за религиозную свободу, подчинившийся в итоге его величеству рынку. Рыночные ценности комфорта и благополучия, успеха и богатства стали источником величия и слабости Запада. Запад в XIX веке стал стремительно терять *метафизику* — потребность сопричастности высшему, горнему миру.

Иное дело Россия. Когда живой голос православия почти затих в мертвенной пышности формализованного культа, ни закон, ни разум, ни комфорт не стали для России путеводной звездой. «И в этом все её беды», — восклицали наши западники и тогда, и сейчас. Не торопитесь, всё гораздо глубже. Народ, воспитанный православием, хорошо понимал всю ограниченность этих новых блестящих западных богов: несовершенство и человекоугодливость закона⁵, суету и бессилие разума перед конечными вопросами бытия⁶ и, наконец, всю тщету комфорта, который не мог спасти от скуки и тоски смерти⁷ безутешного одинокого человека. Ведущим регулятором жизни в России стала культура. Наш XIX век — век всемирного торжества величественной русской культуры во всех её сферах — музыке, балете, театре, живописи. А во главе всего этого великая русская классическая литература как авангард духовного и культурного развития страны. XIX век был веком литературы. При этом литературу ни сами авторы, ни читатели не рассматривали как развлечение. Она была учебником жизни, а русские писатели — её учителями. В то время как в Европе бурно развивались социология и психология, в России их развитие было весьма скромным. И это неудивительно, наша литература сумела соединить невозможное — художественные средства познания человеческой души с вполне научной глубиной и тщательностью этого познания. Пушкина, Достоевского, Тургенева, Толстого и других наших классиков изучают во всём мире, ибо трудно найти что-то более самобытное и не похожее на западные модели в мире культуры, чем наши классики.

Итак, в XIX веке русскую весть миру несла наша литература. Что это была за весть? Это был обмирщённый вариант православия. Кто-то метко назвал русскую литературу *религией второй заповеди* — любви к ближнему. Когда мы вслед за

европейцами потеряли Бога, у нас осталась любовь к ближнему (а не к себе, любимому) и тоска по Богу. Эти два мотива — *сострадание к человеку* и *тоска по высшему смыслу* стали центральными для всех наших классиков, исключая, может быть, М.Ю. Лермонтова, которого не случайно называли «русским Байроном».

Не может человек жить ради своего комфорта, когда ближнему плохо, а ближний — это всякий человек, ибо все мы люди — одна семья. Эту простую и великую мысль раз за разом, на разные лады повторяли все русские классики во всех сюжетах своих произведений. Именно этот колокол «разбудил Россию». С теми же вопросами, с какими русская интеллигенция читала «Бедных людей» и «Униженных и оскорблённых» Достоевского, она и перешла к Марксу. И поняла его весьма по-своему, в духе Достоевского. Русский коммунизм — это потрясающий сплав православных корней, литературного содержания и воспитанных на этом народных чаяний, выраженный на марксистском языке. *И русский коммунизм стал вслед за литературой русской вестью миру.* И ведь мир слышал эту весть. Сейчас, когда революция 1917 года становится объектом ожесточённых идеологических атак, интересно посмотреть, какой её видела русская литература. Есть два полярных литературных «зеркала» русской революции. Одно из них — булгаковское «Собачье сердце», так полюбившееся нашей интеллигенции. М.А. Булгаков увидел в революции бунт быдла (Шариков, Швондер и иже) против культуры (профессор Преображенский). Что ж, подобное есть в любой революции, ибо она неизбежно поднимает со дна социальную муть. Скажем лишь, что Филипп Филиппыч Преображенский — это отнюдь не дитя русской культуры. Профессор — типичный западник, человек любящий комфорт, зарабатывающий большие деньги косметическими операциями и абортми (да, да, перечитайте, если не верите) и отказывающийся отдать одну комнату из семи для «уплотнения». Словно не зная, что в эти «уплотнённые» комнаты людей переселяли из подвалов и барачков — вспомнил бы «Детей подполья» Короленко или «Мальчика у Христа на ёлке» Достоевского. Для него этих «детей подвалов» просто не было. Ну, да Бог с ним, профессором. Всё-таки любимый герой многих.

Но есть у русской революции и другое «зеркало» — «Как закалялась сталь» Н.А. Островского. Павка Корчагин, вполне по-евангельски готовый в любой момент «положить душу свою», — это тот герой, которому народ поверил и пошёл за советской властью. Павка — человек мечты, русский человек, переставший быть лишним и радостно сгорающий в служении той мечте. О чём была эта мечта? Мечта, которую миру в политике рассказали Ленин и Сталин, а в литературе М.А. Шолохов и А.П. Гайдар, А.Р. Беляев и И.А. Ефремов. Мечта, в стремлении к которой вчерашние беспризорники колонии А.С. Макаренки, читая романы Горького, становились врачами и инженерами. Мечта, в схватке за которую мы жертвенно остановили фашизм. Эта была мечта всё о том же *смысле и милосердии*, о том, что можно построить такое общество, где люди будут любить и уважать друг друга и жить не ради чрева, а ради Духа. Общество, где *свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех*. Как затаскали потом эту глубокую идею! Общество, где люди будут жить в скромных квартирах и ездить на общественном транспорте, но у них будут прекрасные школы, музеи и библиотеки и они будут там часто бывать. Общество, где уважают любой честный труд, и есть знатные крестьяне и рабочие, которые могут отдыхать на одних курортах с академиками и генералами. И такое общество было. Оно было очень несовершенным

⁸ См. результаты исследования: Сверчков А., Крижанская Ю. Размышляя над детскими рисунками: мир без будущего // Суть времени. Общероссийская политическая газета. 2012. № 2. С. 8–9; Сверчков А., Крижанская Ю. Размышляя над детскими рисунками: беспризорники в нашем доме // Суть времени. Общероссийская политическая газета. 2012. № 3. С. 8–9; Сверчков А., Крижанская Ю. Размышляя над детскими рисунками: с чего начинается Родина? // Суть времени. Общероссийская политическая газета. 2012. № 4. С. 8–9.

и имело множество недостатков. Но в нём знали, что человека надо уважать за его моральные и трудовые заслуги, а не за деньги. В этом обществе впервые человек поднялся в космос. В нём дети не боялись гулять вечером во дворе дома и мечтали стать космонавтами и учёными, а не телезвёздами и олигархами⁸. Это общество в какой-то момент утратило свою мечту. Эта произошло не просто и не сразу, но произошло. Отчасти в этом виноваты его враги, отчасти оно само. *Но этого общества больше нет.*

А в мире всё острее встаёт вопрос о ресурсах. Западное общество потребления пожирает планету стремительно, мировые державы готовы на всё, чтобы сохранить статус-кво «богатого Севера» и «бедного Юга». Даже к новой мировой войне. Преувеличиваем? А что тогда происходит в Африке и на Ближнем Востоке? И вот Китай...

Будущее у России и мира есть только в том случае, если мир прислушается к русской вести о смысле и милосердии. А чтобы это произошло, нам нужно вновь открыть эту весть миру. И заявить о ней очень громко. Это непросто, почти невозможно в нынешних политических и культурных обстоятельствах. Для этого нужен новый огонь, новый язык, новая жертвенность Корчагиных, а не скепсис Преображенских. *Для этого нужно, чтобы русское православие и русский коммунизм примирились и их голоса зазвучали в унисон.* Для этого нужно нам всем вспомнить о своих культурных корнях, вспомнить, что не «хлебом единым...», перестать копировать бледненькое бляежье education management, обунающее подлинное образование... Для этого необходимо перед нашими детьми рядом поставить христианские и советские образцы и примеры: *образы стойкости и мужественности* святого Георгия Победоносца и Алексея Маресьева, *образы жертвенности и мученичества* святого Димитрия Солунского и генерала Карбышева, святых Веры, Надежды, Любви и Зои Космодемьянской, *образы служения Отечеству* благоверного князя Александра Невского и маршала Г.К. Жукова, благоверного великого князя Димитрия Донского и Павки Корчагина, *образы самоотдачи и милосердия* великой княгини Елизаветы Фёдоровны, святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и медицинских сестёр Великой Отечественной, *образы тех, кто достиг высот в просвещении*, равноапостольного Николая Японского и А.С. Макаренко, чей 125-летний юбилей так позорно замолчали...

Для этого нужно очень многое, чего сегодня нет. Сумеет ли мы всё сообщать это создать и возвестить эту *новую русскую весть*? Вот тот вопрос, который определит то, кем будут наши дети и внуки: поденными рабочими на американских или китайских заводах (если повезёт) и обитателями социального дна (если не очень повезёт) или свободными учёными, инженерами и поэтами свободной и великой страны. Выбор за нами.